

ЛЮДИ КАК ДВЕРИ

КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЗАХОДИТ В НАШУ ЖИЗНЬ, ОСТАВЛЯЕТ СЛЕД...

ИРИНА СНАРКОВИЧ

Ирина Снаркович

Люди как двери

<https://litres.ru/74195402>

SelfPub; 2026

Аннотация

"Каждый человек, который входит в нашу жизнь, оставляет след. Одни — лёгкие, как прикосновение ветра. Другие — глубокие, как шрамы на сердце." Она не умела любить. Она умела только выживать.

. С детства она знала, что никто не придёт её спасти. Она привыкла быть сильной. Она привыкла убегать. Она привыкла закрывать двери перед теми, кто мог бы её полюбить. Она выбирала страсть вместо тепла. Она цеплялась за тех, кто не выбирал её.

. А потом появился он — на 13 лет младше, свободный, лёгкий, живой. Он заставил её сердце биться быстрее. Он показал ей, что можно дышать по-другому. Он стал для неё глотком воздуха, которого у неё никогда не было. Но она боялась. Боялась, что он уйдёт, как уходили все.

Люди как двери" — роман о том, как перестать бояться открывать своё сердце. Как принять свою боль и превратить её в силу. Для каждой, кто ищет себя и боится открыться. Для каждой, кто ещё не знает, что счастье — это когда ты наконец выбираешь себя

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ирина Снаркович

Люди как двери

Глава

Роман

Ирина Снаркович

Эта книга — художественное произведение. Все персонажи, события и диалоги являются вымыслом автора. Любое сходство с реальными людьми, живыми или умершими, случайно.

. Вступление

. Эта книга — не моя история. Я не знаю женщину, которую вы встретите на этих страницах. Я не знаю, жила ли она на самом деле или родилась в чьём-то воображении. Но я знаю, что голос, который вы услышите, — её голос. Она рассказывает свою жизнь. Своими словами. Своей болью. Своей надеждой. Я просто записала то, что она мне рассказала. А теперь — передаю тебе.

. Всё, что ты прочитаешь, — могло бы случиться с кем угодно. И, возможно, случилось. Не со мной. С ней. С той, чья жизнь оказалась соткана из встреч и расставаний, из бо-

ли и надежды, из страха и смелости.

. Я не хочу, чтобы ты искал меня в этих строках. Я хочу, чтобы ты нашёл себя.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление

Примечание

Глава 1.Карта, которую не свернули

Глава 2.Дом на двоих

Глава 3. Девочка, которая умела себя показать

Глава 4. Человек, который опоздал на чуть-чуть

Глава 5.Мальчик, которого я бросила

Глава 6.Девочка, которая любила Шатунова, и парень, который сказал: «Жаль, что ты ещё маленькая»

Глава 7.Мужчина с нехорошим лицом и мальчик, которого я воспитала как мать

Глава 8.Подружка-выдумщица и парень, который не принял моего отказа

Глава 9.Первая любовь, которая ушла молча

Глава 10. Выпускной, боль и побег любой ценой

Глава 11.Новая жизнь, старая деревня и плохиш с дорогими подарками

Глава 12. Мальчишка, который меня нарисовал

Глава 13. Мотоцикл, который уехал без меня

Глава 14. Человек, которого мама не оценила

Глава 15. Учёба как триумф и подруга, которая стала сестрой

Глава 16. Любовь, которая пришла не в то время

Глава 17. Город, который стал нашим прощанием

Глава 18. Кабинет, где всё становится на свои места

Глава 19. Квартира, которая встречает меня тишиной

Глава 20. Он (Артём)

Глава 21. Будни. Работа. Жизнь без ожиданий

Глава 22. Шашлыки, гитара и человек, который появился ниоткуда

Глава 23. Тринадцать лет, которые стали пропастью

Глава 24. Глоток воздуха, которого у меня никогда не было

Глава 25. Подруга, которая видит меня насквозь

Глава 26. Звонок в дверь, который изменил всё

Глава 27. Тихий мужчина, который боялся меня спугнуть

Глава 28. Медляк, который стал нашим саундтреком

Глава 29. Та самая любовь, ради которой я была готова бросить всё

Глава 30. Боулинг, случайная встреча и дискотека, на которую я не должна была прийти

Глава 31. Танец, который стал чем-то большим

Глава 32. Утро, в котором я снова убежала

Глава 33. Встреча с Александром

Глава 34. Подруга-коллега, которая стала моим зеркалом

Глава 35. Дождь, лес и одна мысль, которая не даёт покоя

Глава 36. 13 лет, которые я не могу отпустить

Глава 37. Я написала. И мир не рухнул.

Глава 38. Утро понедельника, синяки и тихое счастье

Глава 39. Ревность, которая съедала меня изнутри

Глава 40. Утро, в котором я выбрала себя

Глава 41. Люди как двери

Глава 42. Эпилог. Год спустя

. Глава 1. Карта, которую не свернули

. Мне шесть лет. Я сижу на полу между диваном и журнальным столиком. Моё любимое место — там пахнет деревом и пылью. Рядом на ковре возится моя младшая сестра — ей два, она перебирает ворсинки. У неё папины глаза — карие, узко посаженные. И папины волосы — русые, тонкие, непослушные.

Мама смотрит на нас, и я вижу её взгляд. На меня — с узнаванием. На сестру — с лёгким отчуждением. Я знаю этот взгляд. Я вижу его каждый день. Она смотрит на меня и видит себя. Она смотрит на сестру и видит его род. Я не знаю тогда, что это разделение станет моей судьбой.

. Моё лицо — её лицо. Моя душа — его душа. С годами я начала замечать то, что другие видели сразу. Я — внешняя копия матери. Те же скулы, тот же разрез глаз, та же линия губ. Люди в деревне говорили: "Вылитая мать". И она смотрела на меня с гордостью, как на своё отражение, которое она

сможет воспитать, исправить, сделать правильным. Но внутри я была другой. Я была им. Я была такой же жизнерадостной, как он. Я умела включать свет в комнате одним своим появлением. Я смеялась громко и не вовремя. Я не держалась за вещи, не держалась за людей, не держалась за обещания. Я могла забыть о том, что было вчера, и жить сегодняшним днём. Я была эгоисткой. Не злой — просто лёгкой. Мне было легко отпускать. Мне было легко уходить. Мне было легко не возвращаться.

. Мама это чувствовала. Она смотрела на меня, видела своё лицо, но чувствовала его суть. И это бесило её больше, чем если бы я была просто его дочерью. Потому что я была её отражением с его душой. Я была живым доказательством того, что она не может контролировать даже саму себя.

. Сестра — наоборот. Она была его лицом, но её душа была из другой породы. Сестра родилась похожей на отца. Те же карие глаза, тот же разрез лица. Она была его породой — той самой, которую мама считала "легкомысленной" и "ненадёжной". Но внутри сестра была совсем другой. Она была скрупулёзной. Она раскладывала игрушки по цветам. Она помнила, кто что сказал и когда. Она не прощала обид — копила их, как мелочь в копилку. Она была похожа на тех людей с отцовской линии, которых мама никогда не принимала — на его мать, его бабушку, на ту "породу", которая казалась маме чужой и непонятной. Но эта порода была устойчивой. Сестра не рассыпалась как я. Она стояла на своих но-

гах. Она не умела быть лёгкой — она умела быть сильной. Тихой, вязкой, непоколебимой. И мама видела это. Она видела, что сестра — не её. Что сестра — это отец, но в лучшем его варианте. Тот, который мог бы быть, если бы он был ответственным. И это тоже бесило маму — потому что она не понимала, почему он не стал таким для неё, а стал для сестры. Мы с сестрой были двумя сторонами одной монеты. Я — её лицо, его душа. Она — его лицо, её (нет, не её — своя) душа. И мы обе были напоминанием маме о том, что она не может сбежать от своего выбора. Он остался в нас. В обеих. Просто по-разному.

. Я стала взрослой, и эта раздвоенность стала моей тенью. Я ношу мамино лицо. Я смотрю в зеркало и вижу её — ту, которую она хотела сделать "правильной". Но внутри меня живёт его лёгкость. Его эгоизм. Его способность уходить и не оглядываться. И это сделало меня неспособной доверять мужчинам. Не потому что я их боялась. А потому что я знала: если я похожа на него внутри, значит, я способна на то же, на что он. А если я способна — значит, и любой другой способен. И какой смысл верить, если я сама ношу в себе этот дар — не держаться, не прикипать, не страдать? Я не вижу просвета для любви. Не потому что меня не любили. А потому что я вижу, как работает моя душа. Она может улыбаться, смеяться, быть открытой — и при этом не цепляться. Она может жить с человеком и не нуждаться в нём. Она может уйти и не обернуться. И я решила: лучше быть одной, чем

стать той, кто кричит на стену, потому что внутри пустота.

. Мы сидим на кухне у бабушки. Мне уже двадцать с чем-то. Я спрашиваю её прямо:

. — Почему ты вышла за него?

. Она усмехается. В её усмешке — всё: и горечь, и злость, и усталость от этого вопроса, который она носит в себе тридцать лет.

. — Затем, чтобы ты родилась, — говорит она. Но я молчу. Я жду.

. Она вздыхает. Смотрит в окно. В окне — ничего, только темнота.

. — Я из строгой семьи, — говорит она. — Деревня. Первый раз в город — только в училище. Я ничего не знала, ничего не умела. Я боялась каждого слова. Меня учили быть тихой, удобной, незаметной. А он пришёл — как ветер. Громкий, свободный, ему было плевать на правила. Он мог сказать, что думает. Мог взять меня за руку при всех. Я думала: вот он, билет. Билет в жизнь, где я не буду той деревенской девкой, которую все жалеют.

. Я слышу слово "девка". Оно звучит как пощёчина. Я знаю, что она ненавидит это слово. И я знаю, что она боялась его больше всего на свете. Боялась остаться той, кого никто не выбрал. Боялась, что её жизнь будет тихой, серой, удобной.

. — Я думала, он — свобода, — говорит она. — А он оказался просто ветром. Он дул, куда хотел. И улетел, когда за-

хотел. И я осталась с вами. С его глазами. С его породой. С его дочерьми.

. Она смотрит на меня. Я — её лицо. Она смотрит на сестру, которая спит в соседней комнате. Сестра — его лицо.

. — Ты — как он, — говорит она мне. — Вся в него. Ты улыбаешься, когда больно. Ты уходишь, не прощаясь. Ты не держишься ни за что. И я боюсь, что ты сделаешь с кем-то то же, что он сделал со мной.

. Я молчу. Потому что она права. И я знаю, что она права. Я не хочу быть такой, но я такая. И это моя правда.

. — А ты его любила? — спрашиваю я.

. Она смотрит на меня. В её глазах — ярость. И боль. И что-то ещё, что она никогда не признает.

. — Я не знаю, — говорит она. — Я не помню. Всё было так давно. Я помню только, как он ушёл. И как я смотрела на тебя и видела его. И ненавидела тебя за это. И любила. Одновременно.

. Я не плачу. Я не кричу. Я смотрю в свою кружку. Я думаю: "Вот оно. Моя судьба. Я — её лицо и его душа. И я никогда не смогу быть ни с кем, потому что я боюсь повторить её путь или стать им".

. Когда мы уезжали из деревни, я не плакала. Я смотрела в заднее окно на наш дом, и я чувствовала облегчение. Потому что я знала: я не привязана к этому месту. Я не привязана ни к чему. Я могу уехать и не вернуться. Я могу забыть и не вспомнить. Это был его дар. И его проклятие.

. В новой школе учительница спросила: *"А твой папа где работает?"* Я улыбнулась и сказала: *"Он там, где цветут яблони"*. Она подумала, что это красиво. Я знала, что это ложь. Но я умела врать красиво. Как он. Я умела делать так, что люди верили. И я умела уходить, не оглядываясь. Я стала взрослой в тот день. Я поняла, что я — это не мама и не папа. Я — это трещина между ними. И я не умею быть целой.

. Теперь, спустя годы, я понимаю: развод не убил моё детство. Он перевернул его как карту. Раньше я жила на одной стороне — там, где «всегда хорошо». А после того утра я перешла на другую, где написано: «хорошо — это усилие. Любовь — это выбор. А семья — это не дом, а люди, которые могут уйти, и ты останешься стоять на пороге с кружкой молока в руках».

. Я стала взрослой не тогда, когда научилась готовить или считать деньги. Я стала взрослой в тот миг, когда перестала ждать, что кто-то вернётся, и решила, что я сама стану тем человеком, который не уходит.

. Но тогда, в шесть лет, я думала, что их развод случился из-за меня. Что я сделала что-то не так. Что если бы я была лучше, тише, удобнее — они бы остались вместе. Мне потребовались годы, чтобы понять: **дети не виноваты в том, что родители разводятся.** Это не их выбор. Это не их ошибка. Это — взрослая боль, которую взрослые должны нести сами. Дети не должны её забирать. Просто так бывает. Иногда люди перестают быть счастливыми друг с другом. Иногда им

лучше порознь. Это не значит, что они перестают быть родителями. Это значит, что они перестают быть парой. И винить кого-то в этом не имеет смысла.

. Но вот что я поняла только недавно: я не стала сильнее от этого развода. Я стала зорче. Я вижу трещины в людях теперь так же ясно, как видела ту трещину в стекле между их кружками. И это мой дар и моё проклятие — я никогда больше не смогу верить в нерушимость треугольника. Я знаю, что бумагу можно порвать. И всё равно я продолжаю рисовать новые треугольники. Просто теперь я рисую их карандашом, а не красками. Чтобы можно было стереть. И нарисовать заново.

. Я так и не поняла до конца, почему она выбрала его. Почему он не ушёл раньше. Почему она не простила, хотя он не просил прощения. Почему я до сих пор жду, что в дверь позвонят, и войдёт красивый мужчина, пахнущий табаком и одеколоном, и скажет: «Я вернулся. Я ошибся. И я хочу, чтобы вы все жили в одном доме».

. Но дверь молчит. А я рассказываю эту историю. Свою историю. О жизни. О людях. О дверях, которые открывались и закрывались. О тех, кто входил и оставался. И о тех, кто уходил, оставляя след.

. Меня зовут Алиса. И это моя история. Мне кажется, в ней есть ответ.

. Глава 2. Дом на двоих

. Новая жизнь началась не с переезда. Она началась с запаха. Запах старого дерева, ковров, которые никто не выбивал, и пирогов, которые бабушка пекла каждое воскресенье — если была трезвая. Двухэтажный дом родителей матери — на первом этаже кухня и зал, на втором — две маленькие комнаты. Наша с сестрой — одна. Бабушкина с дедушкой — другая. Мама спала на раскладушке в зале.

. Я помню, как мы вошли. Сестра держалась за мою руку. Я держала сумку с вещами. Мама стояла в прихожей, сняла пальто, и я увидела, как её плечи чуть опустились. Она была дома. Только это был не её дом. Это был дом её детства — и она вернулась в него побеждённой.

Я думала: «Здесь мы начнём сначала». Я не знала, что «сначала» — это не значит «лучше».

. Моя бабушка была как мама, но без тормозов. Она была крикливее, резче, истеричнее. И она любила запой. Не каждый день, не каждую неделю, но когда накатывало — она исчезала. Она запиралась на кухне, и оттуда доносился запах самогона и глухие рыдания. Она могла сидеть так сутки, двое. А потом выходила — опухшая, злая, готовая кричать на весь мир.

. Я боялась её в такие дни. Я боялась её всегда. Но в запое она становилась чужой — не бабушкой, а существом из другого мира, которое не понимало, что я ребёнок. Она могла накричать ни за что. Могла обвинить меня в том, что я «та-

кая же, как он» — как папа. Могла разрыдаться и сказать, что жизнь её не удалась, и мы все в этом виноваты.

. Я ненавидела её тогда. Сейчас я понимаю: она тоже была жертвой. Она пережила войну, голод, потерю мужчины, которого любила больше жизни. Она не умела справляться с болью иначе. Она заливала её самогоном, потому что не знала другого лекарства. Она передала эту слабость своим детям. И я видела, как эта болезнь ползёт по нашей семье, как трещина по стене.

. Мама была похожа на неё. Та же порода — громкая, крикливая, требовательная. Но мама умела держать себя в руках. Хотя бы иногда. Бабушка — нет. Бабушка была мамой, у которой сняли все фильтры.

. Старшая сестра мамы — моя тётя — была совсем другой. Внешне она была похожа на бабушку — те же глаза, та же стать. По характеру — тоже в неё: упрямая, сильная, негибкая. Но вот умом она пошла в дедушку. У неё был тот же математический склад ума — чёткий, структурный, аналитический. Она схватывала всё на лету. Она могла решать задачи, которые другим были не под силу. Она могла бы стать кем угодно — врачом, учителем, инженером, учёным. В ней был тот самый стержень, который я так ценила в дедушке.

. Но судьба — она всегда несправедлива. Тётя родилась в деревне. Она получила образование, но не вырвалась, как мама, в город. Она осталась здесь, вышла замуж за такого же деревенского парня, родила детей, работала на ферме. Она

могла бы стать великой — я чувствую это сейчас, оглядываясь. Но она стала просто женщиной, которая живёт тихо и незаметно.

. А потом она стала алкоголичкой.

. Это случилось не сразу. Сначала она просто выпивала по праздникам. Потом — по выходным. Потом — каждый день. Она пошла по пути бабушки. Она заливала свою нереализованность, свою боль, свою обиду на жизнь. Она пила так же, как бабушка — тихо, горько, безнадёжно.

. Я смотрю на неё и вижу: вот она, цена обстоятельств. Она могла бы быть кем-то. Но стала просто тенью. И эта тень пьёт, потому что не знает, как ещё жить.

. Я не осуждаю её. Но я боюсь её. Потому что я вижу в ней себя. Я — такая же умная, такая же нереализованная, такая же запертая в обстоятельствах. И я знаю: один неверный шаг — и я тоже могу пойти по этой дороге. Но я не пойду. Я не хочу быть как бабушка. Я не хочу быть как тётя.

. Я буду бороться. Даже если для этого нужно сбежать из этого дома, из этой деревни, из этой жизни.

. Мама не была исключением. Ген сидел в ней так же глубоко, как в бабушке, как в тёте. Он ждал своего часа. И он наступил — когда мы переехали, когда она устроилась на ферму, когда усталость и боль стали слишком тяжёлыми, чтобы нести их в одиночку.

. Она начала пить. Не сразу. Сначала по праздникам. Потом по выходным. Потом — каждый вечер. Она не уходила

в запой, как бабушка, она не сидела на кухне сутками. Она просто постепенно исчезала. Каждый вечер она возвращалась с работы, садилась на кухне, наливала себе рюмку — и становилась другой.

. Я помню, как менялся её взгляд. Как он становился мутным, пустым, отсутствующим. Как она переставала слышать нас. Как она могла сидеть и смотреть в стену, пока мы с сестрой ужинали, делали уроки, ложились спать. Она была физически здесь, но её душа — там, где-то в той жизни, которую она потеряла.

. Это длилось десять лет. Почти всё моё детство, вся моя юность. Я росла с мамой, которая пила, которая не могла быть опорой, которая сама нуждалась в опоре. Я злилась на неё. Я ненавидела её. Я не могла понять: почему ты слабая? Почему ты не борешься? Почему ты опускаешь руки, когда у тебя есть мы?

. Но я не ушла. Я осталась. Потому что у меня не было выбора. И потому что где-то внутри, под слоями злости и обиды, я знала: она — моя мама. И если я уйду, она утонет.

. Маме повезло. Не в том смысле, что ей была дана лёгкая жизнь — нет. Ей повезло в том, что у неё были мы.

. Мы с сестрой не могли заменить ей мужа. Мы не могли вернуть ей молодость. Мы не могли стереть те десять лет, которые она прожила в алкогольном тумане. Но мы могли вытягивать её. Каждый день. Каждый раз, когда она падала, мы поднимали её. Каждый раз, когда она хотела сдаться, мы

были рядом. Мы не давали ей уйти в ту пропасть, в которую ушла тётя.

. Я помню, как в шестнадцать лет я сидела с ней на кухне и держала её за руку. Она плакала. Она говорила: *«Я плохая мать. Вы не должны были это видеть. Вы должны были иметь другую жизнь»*. Я смотрела на неё и думала: «Ты права. Мы не должны были. Но мы здесь. И мы не уйдём».

. Я не знаю, что именно нас удержало. Наверное, то, что мы были детьми, которые стали взрослыми слишком рано. Мы знали, что если мы уйдём, она не выживет. Мы знали, что она — не плохой человек. Она просто сломалась. И мы были единственными, кто мог её собрать.

. И мы собрали. Не сразу. Не без боли. Но мы собрали.

. Она вышла из этого периода. Не потому что кто-то пришёл и спас её. А потому что мы с сестрой не ушли. Мы остались. Мы были её якорем, когда она тонула. И в этом — наша сила. И наша боль.

. А вот тётё не повезло.

. У неё тоже были дети. Но они ушли. Не физически — эмоционально. Они отвернулись от неё. Они не выдержали её запоев, её боли, её разрушения. Они бросили её наедине с бутылкой. И она пошла ко дну. Быстро, безвозвратно.

. Я не осуждаю её детей. Может быть, у них не было сил. Может быть, они просто не знали, как. Может быть, они боялись, что она утянет их за собой. Но факт остаётся фактом: у неё не было нас. Не было тех, кто держал бы её за руку,

когда она падала. Не было тех, кто сидел бы с ней на кухне и говорил: «Ты справишься. Мы рядом».

. И она не справилась.

. Она живёт до сих пор. Но она уже не та, кем могла бы стать. Она — тень. Женщина, у которой отняли не только судьбу, но и шанс на спасение. Она пила, потому что пила бабушка. Она пила, потому что не знала, как ещё жить. Она пила, потому что её дети отвернулись. И теперь она просто существует — никому не нужная, ни о ком не заботящаяся.

. Я смотрю на неё и вижу альтернативную реальность. Это могла быть я. Это могла быть мама. Это могла быть любая из нас. Но маму спасли мы. А тётю — никто. И это — **главная несправедливость этого мира: иногда спасение зависит не от тебя, а от тех, кто рядом.**

. У мамы был брат. Он пришёл из армии — молодой, подтянутый, с короткой стрижкой и твёрдым взглядом. Он приезжал ненадолго — на выходные, иногда на праздники. Он жил в городе, работал, строил свою жизнь. В доме бабушки он был редким гостем, но каждый его приезд я запомнила навсегда. Он заставлял меня учить таблицу умножения.

. Я ненавидела его за это. Мне было лет семь-восемь. Я хотела играть, бегать, а не смотреть в окно на соседских детей. А он сажал меня за стол, давал листок и говорил: «*Учи. Пока не выучишь — никуда не пойдёшь*».

Я плакала. Я смотрела на цифры, и они расплывались. Я ненавидела эти столбики. Я ненавидела его за то, что он ли-

шал меня детства, которого у меня и так почти не было. Я думала: «Зачем мне это? Я никогда не буду считать так быстро. Я не хочу быть умной. Я хочу быть свободной».

Но он был непреклонен. Он сидел рядом и ждал. Он не кричал, не бил — он просто был. Он был стеной, которая не давала мне сбежать. И я учила. Я запоминала. Сначала со слезами, потом с ненавистью, потом — просто потому что легче было выучить, чем спорить.

А спустя годы я поняла: это был единственный человек, который заставил меня учиться. Когда в школе я решала задачи быстрее всех, я вспоминала его. Когда я поступала в институт, я вспоминала его. Когда я стала читать книги, я подумала: «А ведь он тоже читал. Он знал, что без этого никуда».

Он был жёстким, но справедливым. Он требовал, потому что знал: мир не будет ждать, пока я решу. Мир будет требовать. И лучше, чтобы я научилась отвечать сейчас, чем потом, когда будет поздно.

У него была жена. Она приезжала с ним иногда — и я смотрела на неё с восхищением. Она была красивой, тихой, доброй. Она не кричала, не требовала, не истерила. Она просто сидела на кухне, пила чай и улыбалась. Она умела слушать. Она умела ждать. Она умела быть рядом, не занимая всё пространство.

Мне казалось, что она — ангел. Что ему безумно с ней повезло. Потому что она была полной противоположностью

нашего дома, наших криков, наших запоев. Она была тихим островом в море сумасшествия. И я думала: «Если он смог найти такую — значит, и я смогу когда-нибудь найти кого-то, кто будет просто сидеть и улыбаться».

Сейчас я понимаю: она была его достижением. Не работой, не карьерой, не деньгами — а женой. Потому что **выбрать человека, который не разрушает, который не тянет вниз, который не кричит, — это талант. Это умение.** И он умел.

Дедушка любил читать. У него был математический склад ума — чёткий, логичный, структурный. Он говорил: «Всё в мире можно посчитать. И боль, и радость — просто разные коэффициенты». Я не понимала тогда. Я думала, что он просто странный старик.

Но он сидел в своём кресле с книгой — чаще всего по математике, иногда — что-то из классики. Он уходил в книгу, как в другой мир. И я хотела узнать, что там, в этом мире. Я хотела быть как он.

Я начала читать рано. Сначала сказки, потом приключения, потом — всё подряд. Книги стали моим побегом. Когда бабушка кричала, когда мама молчала, когда я не могла никуда уйти, я открывала книгу и уходила в неё. В мир, где всё было понятно, где были герои, которые боролись и побеждали, где была справедливость.

Это дедушка передал мне эту любовь. Он не учил меня читать — он просто был примером. Он показывал, что ти-

шина может быть наполненной. Что можно быть одному, но не быть одиноким. Что книги — это друзья, которые никогда не предадут, никогда не уйдут, никогда не закричат.

У меня нет его математического склада ума. Я не умею считать так, как он. Но я умею читать так, как он — глубоко, жадно, до конца. Я перечитала сотни книг за свою жизнь. Тысячи. Я стала той, кто умеет жить в тексте, кто умеет прятаться в словах. И это — его подарок. Единственный, который я приняла без сопротивления.

Я стояла у плиты в семь лет. Я мешала суп, пока за окном бегали дети. Я мыла посуду, убирала комнаты, стирала, гладила, смотрела за сестрой. Я была взрослой, когда должна была быть ребёнком. И я возненавидела всю домашнюю работу. Не ленилась — ненавидела. Каждое мытьё посуды напоминало мне о том, что у меня украли детство. Каждая уборка — о том, что я не могла играть, когда все играли. Каждая готовка — о том, что я стояла у плиты, а не бегала во дворе.

Я поклялась себе: я никогда в жизни не стану домохозяйкой. Я не буду той, кто всю жизнь стоит у плиты. Я не буду той, чья жизнь — это кухня и уборка. Я не буду повторять судьбу мамы, бабушки, тёти. Я буду работать. Я буду учиться. Я буду жить по-другому.

И я сдержала это обещание. Я не стала домохозяйкой. Я не умею наслаждаться готовкой. Я не получаю удовольствия от уборки. Для меня это — труд, который напоминает о боли.

И я выбрала другую жизнь. Жизнь, где я не обязана стоять у плиты. Где я могу читать, работать, путешествовать, жить.

Многие осуждают меня за это. Говорят: «Ты женщина, ты должна». Я отвечаю: «Я должна была быть ребёнком. Но я не была. И теперь я не должна ничего. Я просто хочу жить так, как хочу». Это мой бунт. Мой единственный бунт против того дома.

Дедушка, спасибо тебе. Ты научил меня тому, что никто не мог научить. Ты научил меня быть собой, даже когда вокруг хаос. Ты научил меня читать. Ты научил меня думать. Ты научил меня жить. Я пронесла это через годы. И я пронесу дальше.

Иногда я сидела рядом с дедушкой, когда он читал. Мы не говорили. Мы просто были. Я прижималась к его плечу, чувствуя тепло его тела, и смотрела на страницы, которые он перелистывал. Они пахли старой бумагой и временем. Я не понимала большинства слов. Я не знала, о чём он читает. Но мне было спокойно. Впервые за день я переставала быть «старшей», «ответственной», «взрослой». Я просто была девочкой, которая сидит рядом с дедушкой и дышит.

Иногда он гладил меня по голове. Не говоря ни слова. Просто проводил ладонью по моим волосам, и я чувствовала, как внутри меня разливается что-то тёплое. Что-то, что я не умела назвать. Наверное, это и была любовь. Без условий. Без требований. Без просьб быть лучше.

Я знала, что в этом мире есть кто-то, кто не требует от ме-

ня быть взрослой. Кто не говорит, что я должна. Кто просто принимает меня такой, какая я есть. С моей болью, с моей усталостью, с моей детской душой, которая так хотела быть маленькой.

В эти моменты я не думала о маме. Не думала о бабушкиных криках. Не думала о том, что мне нужно убрать, приготовить, присмотреть за сестрой. Я просто сидела и дышала. И чувствовала себя в безопасности. Это было моё первое ощущение покоя.

Я не знала тогда, что это — самое важное, что он мог мне дать. Не деньги, не подарки, не советы. А просто быть рядом. Просто гладить меня по голове и молчать. Он дал мне то, чего не могли дать другие. Он дал мне право быть маленькой. Хотя бы на несколько минут в день.

Я вспоминаю эти моменты сейчас, когда мне становится трудно. Когда кажется, что я снова должна всё тащить на себе. Я закрываю глаза и чувствую его ладонь на своей голове. И внутри меня становится тише.

. Мы не выбираем родителей, когда приходим в этот мир. Они достаются нам такими, какие есть. Со своими ошибками. Со своими закрытыми дверями. Со своими страхами, которые они не умеют назвать.

. Мы их не выбираем, но почему-то всегда ждём от них чего-то — как будто они должны быть идеальными. Как будто у них есть ответы на все вопросы. Как будто они не имеют права ошибаться, бояться, сдаваться.

А ведь на самом деле — нам никто ничего не должен. Ни родители — детям, ни дети — родителям. Они нас не выбрали — так же, как мы не выбирали их. И возможно, мы тоже не оправдали всех их ожиданий. Возможно, они тоже смотрели на нас и думали: «Почему ты не такой, как я хотел?»

Но мы есть друг у друга. Мы живы. Мы дышим. Мы рядом. Даже если между нами — стены, обиды, годы молчания. Даже если мы не умеем говорить о любви. Даже если нам больно смотреть друг на друга.

И пока мы есть — мы можем быть рядом. Не идеальными. Не правильными. Просто рядом. Поддерживать. Помогать. Прощать. Или хотя бы пытаться прощать.

Может быть, в этом и есть смысл семьи. Не в том, чтобы быть совершенными. А в том, чтобы оставаться, даже когда хочется уйти. В том, чтобы держать, даже когда руки опускаются. В том, чтобы любить — не за что-то, а вопреки всему.

Я не умела так раньше. Я не умела прощать маму. Я не умела принимать бабушку. Я не умела видеть в них людей — со своей болью, со своей слабостью, со своей жизнью. Я учусь сейчас. Медленно. Трудно. С ошибками. Но я учусь.

И может быть, однажды я смогу сказать им: «Спасибо, что вы есть. Что вы были. Что я могу быть рядом, даже когда мы не понимаем друг друга. Потому что мы — семья. И этого достаточно».

Нужно успеть сказать. Пока не стало поздно. По-

ка есть момент. Пока кто-то из них ещё здесь. Потому что однажды может стать слишком поздно. И слова, которые не были сказаны, останутся с тобой навсегда.

. Глава 3. Девочка, которая умела себя показать

Мне тринадцать. Я стою перед зеркалом в бабушкином доме. В зеркале — я. Невысокая — метр шестьдесят. Вес — пятьдесят восемь. Не полная, не худая — просто нормальная. Но я тогда не знала, что это норма. Я думала, что я слишком большая, слишком тяжёлая, слишком не такая, как надо. Зелёные глаза. Большие. С искорками, которых я не замечала. Русые волосы до поясницы — длинные, тяжёлые, они пахли мылом и ветром. Я заплетала их в косу каждое утро, потому что мама говорила: «Волосы должны быть убраны, чтобы никто не дёргал». Я не знала, кто и зачем будет их дёргать. Я просто заплетала.

Я была симпатичной. Я знаю это теперь. Я приковывала взгляды — в школе, на улице, в магазине. Мужчины оборачивались, мальчишки смотрели, девочки завидовали. И я знала, что это у меня есть. Но я не умела этим пользоваться — не потому что боялась, а потому что меня этому никто не научил. Я была красивой, как дикий цветок, который не знает, что его можно сорвать и поставить в вазу. Я не была тихой и незаметной. Я не сидела в углу и не боялась. Я умела себя показать — но только в том, что мне было важно. Я

не была мегапопулярной, но меня замечали. Я была той, кто могла выйти в центр и заставить смотреть. Не потому что я хотела внимания — а потому что я хотела, чтобы меня видели настоящую.

Танцы начались случайно. В школе был кружок, и я записалась, потому что больше нечем было заняться. А потом — втянулась и поняла: это то, что меня спасает.

Когда я танцевала, я переставала быть «дочерью алкоголички», «девочкой из неблагополучной семьи», «той, у кого мама пьёт». Я становилась просто движением. Я становилась музыкой. Я могла выбросить в танец всю боль, всю злость, всю несправедливость. Я могла быть красивой, сильной, свободной — и никто не мог мне этого запретить.

Я ходила на танцы три раза в неделю. Это было моё святое время. Я ждала этих дней, как праздника. Я распускала волосы, надевала удобную одежду и шла в зал. Там я была лучшей. Не потому что я была техничнее всех — а потому что я жила в танце. Я вкладывала в каждое движение всю себя. Учительница говорила: «Ты как огонь. Тебя видно из любого угла».

И меня действительно видели. На школьных концертах я была в центре. На городских мероприятиях выступала сольно. Не боялась сцены — я выходила на неё, как на свою территорию. Я знала, что там, на сцене, я — хозяйка. Что никто не может меня ударить, никто не может кричать, никто не может сказать, что я плохая. Там я была хорошей. Я была

лучшей. И это внимание — оно было моим. Я заслужила его потом и кровью, репетициями до пота, болью в мышцах. Но я заслужила. И я знала, что танцы — это мой билет. Не в другую жизнь — а в себя настоящую.

Помню один концерт. Я вышла на сцену, и свет упал на меня так, что я перестала видеть зал. Я не знала, кто там. Я не знала, смотрят ли на меня. Я просто чувствовала музыку. Это был танец, который я репетировала месяц. Каждое движение я довела до автоматизма, но в тот вечер я не думала о технике. Я просто позволила себе плыть. Раскинуть руки, закрыть глаза и забыть, что я — это я. Забыть, что дома ждёт хаос. Что меня ждёт уборка. Что завтра снова нужно быть взрослой. Я была просто движением. Ветром. Светом.

Когда музыка закончилась, я стояла на сцене, тяжело дыша. Я слышала аплодисменты, но не сразу поняла, что это мне. Я открыла глаза и увидела зал. Все эти лица. Все эти улыбки. Они смотрели на меня так, как будто я сделала что-то важное. Может быть, так и было. Может быть, я сделала что-то важное — для себя. Я показала им, что я есть. И я показала себе, что я могу. Я улыбнулась в зал. Не сценической улыбкой. Настоящей.

Я не знала, что это будет один из самых счастливых моментов в моей жизни. Что я буду вспоминать его, когда мне будет тяжело. Когда я буду сомневаться в себе. Когда мир будет казаться слишком жестоким. Но я запомнила это чувство. Свободу. Лёгкость. И то, что я могу быть счастливой,

даже если вокруг всё рушится. Я была на сцене. И я была собой. И этого было достаточно.

Я не была изгоем. Я не была «серой мышью». Но я и не была мегапопулярной — той, кто собирает вокруг себя толпу. Я была интересной. Я была той, к кому подходили, с кем хотели дружить, кого звали в компании. Я умела себя показать — не криком, не наглостью, а внутренним светом. Я могла рассказать что-то так, что все замолкали и слушали. Я могла пошутить так, что все смеялись. Я могла ответить у доски так, что учителя ставили пятёрку не за знания, а за то, как я подавала материал.

Меня звали в разные компании. Я ходила — но не всегда. Я выбирала. Я чувствовала, где я нужна по-настоящему, а где я просто украшение. Я не хотела быть украшением. Я хотела быть собой. И если я чувствовала, что меня не видят — я уходила. Я не боялась одиночества. Я боялась быть ненужной среди тех, кто должен был бы быть близким.

У меня были друзья. Не много, но настоящие. Те, кто знал, что дома у меня не всё гладко. Те, кто не спрашивал лишнего, но был рядом. Те, кто видел меня на сцене и говорил: «Ты крутая. Ты можешь всё». Я не верила им до конца, но я цеплялась за их слова. Они были моими якорями в школе, где я училась хорошо, но не отлично, потому что времени на уроки почти не оставалось.

Я любила учиться. Я ходила в школу с удовольствием — это была моя территория, где я была «умной», «старатель-

ной», «способной». Я могла бы быть отличницей. Я знаю это. У меня была голова — я схватывала всё на лету, я понимала предметы глубже, чем требовалось, я любила читать и думать. Но времени не хватало. После школы — танцы. Дома — уборка, готовка, сестра, мама. Уроки я делала ночью, при свете настольной лампы, пока бабушка кричала, а мама плакала в другой комнате. Я спала по четыре часа, но я не жаловалась. Я знала: школа и танцы — это два моих крыла. Я не могла бросить ни то, ни другое.

Учителя говорили: «Ты могла бы быть лучшей, если бы прилагала больше усилий». Я молчала. Я не говорила им, что я прилагаю все усилия, которые у меня есть. Что я выбираю между сном и уроками. Что я танцую, чтобы не сойти с ума. Что я учусь, чтобы уехать. Я просто улыбалась и делала дальше.

Мама боялась. Она боялась, что я повторю её судьбу. Что я, как она когда-то, поведусь на красивого, на ветреного, на того, кто ломает мне жизнь. Она боялась, что я принесу «подлом» — забеременею, останусь одна, буду страдать. Она говорила это вслух: «Не смей! Не дай бог! Я тебя убью, если ты принесёшь подлом!» Она била меня. Не часто, но больно. Не за дело, а за страх. Ей казалось, что если она будет достаточно строгой, если она будет бить достаточно сильно, то я не совершу её ошибок. Она думала, что боль — это лучший учитель. Она не знала, что боль только учит прятаться — или, как в моём случае, танцевать.

Я помню, как после одной из таких ссор я ушла в зал. Я танцевала до изнеможения, пока мышцы не начали гореть. Я танцевала, чтобы не плакать. Я танцевала, чтобы не кричать. Я танцевала, потому что в танце я была свободна. Никто не мог меня ударить там. Никто не мог сказать, что я плохая. Только музыка и я.

Мама хотела защитить меня. Она била меня, потому что не знала, как иначе. Она не умела говорить о любви, о страхе, о боли. Она умела только кричать и бить. И я простила её. Не тогда — сейчас. Потому что я понимаю: она давала мне всё, что могла. И иногда это было больно. Но это была её любовь. Искривлённая, сломанная, но любовь.

Сейчас, оглядываясь, я понимаю: я была красивой. Не модельной, не кричащей — но красивой. Большие зелёные глаза, длинные волосы, правильные черты. Я приковывала взгляды, но я не умела этим пользоваться по-настоящему. Танцы научили меня другому. Они научили меня владеть своим телом. Я узнала, как двигаться, чтобы выглядеть красиво. Как повернуть голову, чтобы волосы упали на плечо. Как смотреть в зал так, чтобы все затаили дыхание. Я не стала кокеткой. Я не стала той, кто использует красоту как оружие. Но я научилась быть заметной. Я научилась выходить на сцену и не бояться. Я научилась принимать аплодисменты. Я научилась тому, что я имею право быть красивой — и что эта красота не делает меня плохой.

В школе меня не любили все. Но меня знали. Меня заме-

чали. Я была той, кто могла выйти к доске и ответить так, что все замолкали. Я была той, кто танцевала на сцене так, что все аплодировали. Я была той, с кем хотели дружить, но не все решались подойти. Меня звали в компании. Я ходила на дни рождения, на вечеринки, на школьные мероприятия. Я умела быть в центре внимания, но я не стремилась к этому постоянно. Я выбирала моменты. Я знала, что я — не просто «девочка с косой». Я — та, кто умеет себя показать. И я показывала себя не ради популярности, а ради того, чтобы быть увиденной по-настоящему. Я не была изгоем. Я не была жертвой. Я была личностью. Сложной, разной, но личностью. И те, кто меня действительно знали, видели меня. Я ценила это. Я цеплялась за это. И это помогало мне идти дальше.

Я помню свой первый сольный танец. Я вышла на сцену, распустила волосы, встала в центр. Я смотрела в зал и видела сотни глаз. Они смотрели на меня. Не на «дочь алкоголички». Не на «девочку из неблагополучной семьи». А на ту, кто танцует. На ту, кто красива. На ту, кто свободна. Я танцевала и думала: «Вот оно. Вот кто я. **Я — не то, что случилось со мной. Я — то, что я делаю.** И сейчас я делаю самое важное — я показываю себя настоящую». Я запомнила этот момент навсегда. Я поняла тогда: меня видят. **И я имею право быть увиденной.**

Теперь, через годы, я всё ещё танцую. Иногда — на сцене, иногда — на кухне, иногда — просто внутри себя. И я знаю:

та девочка не ушла. Она выросла. Она стала мной. И она всё ещё умеет себя показать.

. Глава 4. Человек, который опоздал на чуть-чуть

. Я знала, что у мамы есть любовник. Я знала это не потому, что мне кто-то сказал. Я знала это потому, что дети всегда видят больше, чем взрослым кажется. Мы чувствуем напряжение. Мы видим взгляды, которые прячут. Мы слышим тишину, которая говорит громче слов.

Я не знала его имени тогда. Я знала только, что он был — и что мама менялась, когда он появлялся. Она становилась тише, мягче, спокойнее. Она улыбалась — той улыбкой, которую я почти никогда не видела. Она не кричала, не плакала, не пила. Она просто была другой. И я знала, что это из-за него.

. Он был женат. Я знала и это. Не потому что мне сказали — я чувствовала по тому, как мама прятала телефон, как она молчала, когда звонил кто-то чужой. Она думала, что мы ничего не замечаем. Она думала, что она — хорошая актриса. Но дети — лучшие детективы, когда дело касается их родителей. Мы видим трещины там, где взрослые видят гладкую стену.

. Я узнала эту историю позже, когда стала взрослее и мама однажды проговорилась. Он любил её ещё до того, как она вышла замуж за моего отца. Они были молодыми, он ушёл в армию. Он думал, что вернётся — и они будут вместе. Он

обещал ей писать, но письма терялись. Она обещала ждать, но время шло, а она не умела ждать. Она боялась остаться «в девках». И когда появился мой отец — красивый, нараспашку, свободный — она схватилась за него, как за билет в другую жизнь. Она не знала, что он вернётся. Она не знала, что он будет ждать её всю жизнь.

. Когда он пришёл из армии, она уже была замужем. У неё уже была я. Он опоздал — совсем на чуть-чуть. Но этого чуть-чуть было достаточно, чтобы разорвать их судьбу навсегда. Он женился на другой. Она осталась с моим отцом. А потом — развод, переезд, запой, десять лет боли.

. Он не ушёл из её жизни. Он стал её любовником. Она думала, что никто не знает. Но я знала. И я видела, как он смотрит на неё. В его взгляде было то, чего я никогда не видела в глазах моего отца: уважение. Забота. Желание быть рядом, даже если нельзя.

. Я не знала, как к нему относиться. Он был мне никем — не отцом, не дядей, не другом. Просто мужчина, который иногда появлялся в нашей жизни. Я не чувствовала к нему ни любви, ни ненависти. Я просто наблюдала. Но где-то внутри, в той части души, которая всё ещё верила в чудо, я думала: «Он мог бы быть моим отцом. И, наверное, я бы хотела такого отца».

. Он был серьёзным. Спокойным. Твёрдым. Он не пил — в нашей семье это было редкостью. Он говорил тихо, но его слушали. Он держал себя с достоинством. Он был тем, ко-

го я могла бы уважать. Тем, кто не убежал бы, когда стало трудно. Тем, кто остался бы, даже если всё рушится. Я не знала его по-настоящему. Я не знала, какой он внутри. Но я видела, что он — не как мой отец. Мой отец был ветром — лёгким, свободным, неуловимым. А этот мужчина был скалой. И мне, девочке, выросшей в доме, где всё рушилось, хотелось скалы. Хотелось знать, что есть кто-то, на кого можно опереться. Но он не был моим отцом. Он был чужим мужчиной, женатым, любившим мою маму, но не имевшим права быть с ней. И я не позволяла себе привязываться. Я боялась, что он тоже уйдёт. Что он тоже исчезнет. Что он окажется таким же ненадёжным, как все остальные.

. Он воспитал своих детей. Но, как потом показала жизнь, отец из него вышел никакой. Его дети не стали теми, кем он хотел их видеть. Они выросли — и стали сплошным разочарованием. Я не знаю всех подробностей, но я слышала обрывки разговоров. О том, что они не уважают его. О том, что они выбрали неправильные пути. О том, что он смотрит на них с болью, потому что вложил в них всё, а получил пустоту.

. Я думала об этом. О том, как несправедливо устроен мир. Он мог бы стать хорошим отцом для меня. Он мог бы дать мне то, чего у меня никогда не было. Но он был отцом для других — и с ними у него не вышло. И я не знала, кого жалеть больше — его или себя.

. Может быть, он просто не умел быть отцом. Может быть, он умел быть только любовником. Может быть, он был хо-

рош в одной роли и проваливался в другой. Я не сужу его. Я просто вижу этот парадокс: человек, который мог бы спасти меня, не смог спасти даже своих детей. И это — самая жестокая ирония судьбы.

. Но был в маминой жизни ещё один человек, которого я ненавидела от слова «совсем». Её подруга. Женщина, которая появлялась в нашей жизни регулярно и каждый раз приносила с собой хаос. Я не помню её лица. Я помню её голос — громкий, пьяный, визгливый. Я помню её смех — неестественный, как треск стекла. Я помню, как она приходила, и мама преображалась — становилась громче, быстрее, веселее, но в этом веселье было что-то неправильное, тревожное. Когда они были вместе, они пили. Они пили много, громко, без остановки. Они сидели на кухне, и оттуда доносились пьяные голоса, нелепые песни, слезливые признания. Иногда они ругались. Иногда плакали. Иногда — смеялись так, что стёкла дрожали. И мы с сестрой были никому не нужны в эти вечера. Мама забывала о нас. Она уходила в этот пьяный мир, а мы оставались в тишине своей комнаты. Я слышала их голоса через стену и затыкала сестре уши, чтобы она не слышала того, что слышала я.

. Я ненавидела эту женщину. Ненавидела за то, что она краля маму. За то, что она делала маму такой — громкой, пустой, чужой. За то, что мама в её присутствии переставала быть мамой. Я винила её. Мне было легче ненавидеть её, чем ненавидеть маму. Легче было представить, что это она

— зло, она — причина, она — та, кто тянет маму вниз. Я не знала тогда, что мама сама выбирала. Что никто не заставлял её пить. Что она выбирала эту женщину, потому что та позволяла ей забыться. Но я ненавидела. Мне нужно было кого-то ненавидеть, чтобы не ненавидеть себя.

. Когда они начинали, я брала сестру за руку и уводила в нашу комнату. Я закрывала дверь, включала свет, садилась на пол рядом с ней и говорила: «Не обращай внимания. Это просто взрослые. Они дурачатся. А мы будем читать». Я читала ей сказки. Я придумывала истории. Я делала всё, чтобы она не слышала того, что слышала я. Я защищала её от этого мира — пьяного, громкого, чужого. Я не хотела, чтобы она запомнила эти вечера. Я хотела, чтобы у неё осталось детство — хотя бы немного.

. Я злилась на маму. Я не понимала, почему она выбирает их вместо нас. Почему она уходит в этот грохот, забывая, что у неё есть дочери, которые ждут её. Почему она не видит, что мы тоже нуждаемся в ней. И я взяла на себя ответственность. Я стала той, кто создаёт уют, когда вокруг хаос. Той, кто рассказывает сказки, когда пьяные голоса кричат. Той, кто затыкает уши сестре, чтобы она не слышала. Я была старшей. Я была ответственна. Я была мамой для своей сестры, когда наша мама уходила в свой мир.

. Теперь я понимаю: мама не виновата. Она просто искала спасения. Она не умела быть сильной, не умела справляться сама, не умела жить без боли. Она выбирала тех, кто помо-

гал ей забыться. И это не делает её плохой — это делает её сломленной. Я не злюсь на неё сейчас. Я злюсь на ту ситуацию, которая сделала её такой. Я злюсь на время, на обстоятельства, на всех мужчин, которые подвели её. И я злюсь на себя за то, что я не могла спасти её тогда. Хотя я пыталась.

. Но я спасла сестру. Я вытащила её из этого хаоса. Я дала ей детство, которого у меня не было. И это — моя главная победа.

. Иногда я думаю о нём. О том мужчине, который любил мою маму с юности. О том, кто опоздал на чуть-чуть. О том, кто мог бы стать моим отцом. Я не знаю, кем бы я стала, если бы он был рядом. Может быть, я была бы другой. Может быть, я не боялась бы любви. Может быть, я умела бы доверять. Может быть, я не искала бы отца в каждом мужчине, который встречался мне на пути. Но он опоздал. И я выросла без него. И это — моя судьба.

. Я не виню его. Я не виню маму. Я просто смотрю на свою жизнь и вижу: всегда есть «почти». Почти любили. Почти спасли. Почти стали отцом. И это «почти» — самое тяжёлое. Потому что оно не даёт покоя. Потому что ты всегда думаешь: «А если бы?» Но я не могу жить в «почти». Я живу в «теперь». И я знаю, что моя сила — не в тех, кто мог бы быть рядом. А в том, что я выжила без них. Я стала собой. И это — больше, чем «почти». Это — реальность. И я принимаю её. Со всеми её трещинами. Со всеми её потерями. Со всеми её «опозданиями».

. Глава 5. Мальчик, которого я бросила

. Мы познакомились на танцах. Он был соседским мальчишкой — жил через два дома от бабушки. Я видела его во дворе, но никогда не обращала внимания. Обычный парень, немного нескладный, с вечно взлохмаченными волосами. Он ходил в ту же школу, что и я, но мы учились в параллельных классах. Наши пути пересекались редко. А потом он пришёл в танцевальный кружок.

Я помню его первые попытки двигаться в такт — неуклюжие, неловкие, смешные. Он смотрел на меня так, как будто я была центром вселенной. И я знала, что я ему нравлюсь. Это было написано на его лице, в его жестах, в том, как он искал меня глазами в зале.

Я не испытывала к нему особых чувств. Он не был тем, о ком я мечтала. Не был красивым, не был популярным, не был уверенным в себе. Он был просто мальчиком, который смотрел на меня с обожанием. И я позволила ему приблизиться. Почему? Я часто задаю себе этот вопрос сейчас.

Наверное, потому что все мои одноклассницы уже с кем-то встречались. Кто-то держался за ручку на переменах. Кто-то целовался за школой. Кто-то рассказывал о своих парнях с таким восторгом, что я чувствовала себя лишней. Я не хотела быть белой вороной. Я хотела быть как все. Я хотела знать, каково это — когда кто-то смотрит на тебя с обожанием. Даже если ты не отвечаешь взаимностью.

Он подошёл ко мне после одной из репетиций, протянул руку — дрожащую, неловкую — и сказал: «Пойдём, провожу». Я согласилась. Не потому что хотела. А потому что не хотела отказывать. Не хотела быть жестокой. Не хотела выглядеть гордой. Мы пошли вместе. Он молчал, я молчала. Я чувствовала его смущение, его неловкость, его страх сказать что-то не то. Мне было жаль его. Но я не знала, как сделать так, чтобы ему не было больно. Я просто шла рядом и смотрела вперёд.

Мы начали встречаться. Если это можно было назвать встречами. Мы ходили домой вместе. Он провожал меня до калитки. Иногда мы сидели на лавочке в парке — он что-то рассказывал, я кивала. Однажды он взял меня за руку — и я позволила. Я думала: «Вот оно. Теперь я как все». Но внутри я была пустой. Я не чувствовала ничего. Ни трепета, ни волнения, ни радости. Я просто позволяла ему быть рядом, потому что не знала, как сказать «нет». Потому что боялась, что если я скажу «нет», я останусь одна — по-настоящему одна. Со своей тишиной, со своей болью, со своим домом, где никто не ждёт. Я не обманывала его. Я просто молчала. А он, наверное, думал, что всё хорошо. Он улыбался, когда я соглашалась. Он смотрел на меня так преданно, так искренне, что мне становилось не по себе. Я не заслуживала этой преданности. Я не заслуживала его чувств. Я просто использовала его, чтобы казаться нормальной.

. Я думала: «Может быть, привыкну. Может быть, со вре-

менем я тоже что-то почувствую». Но время шло, а чувств не было. Я была как замороженная. Я смотрела на него и видела не человека, а просто мальчика, который давал мне то, чего я хотела — внимание, принятие, нормальность.

Это произошло на школьной дискотеке. Мы стояли с друзьями — я, моя одноклассница, ещё кто-то из параллели. Я смеялась, что-то рассказывала, чувствовала себя свободно. Я была в своей стихии — там, где меня видели, где меня замечали, где я была не «дочерью алкоголички», а просто девочкой, умеющей себя показать. Он подошёл. Я увидела его ещё издали — как он пробивается сквозь толпу, как он ищет меня глазами. Я почувствовала раздражение. Не знаю почему. Может быть, потому что он был слишком навязчивым. Может быть, потому что я не хотела, чтобы меня ассоциировали с ним. Может быть, потому что я была зла на себя за то, что позволила ему приблизиться. Он подошёл, коснулся моего локтя и сказал: «Пойдём, потанцуем». Громко, при всех. Я посмотрела на него — на его взволнованное лицо, на его надеющиеся глаза — и внутри меня что-то оборвалось. Я сказала: «Отойди». Грубо. Холодно. Так, чтобы слышали все. Я сказала: «Ты мне неинтересен. Я здесь стою. Иди отсюда».

Я помню его глаза. Как они погасли. Как он отшатнулся, как будто я ударила его. Как он развернулся и ушёл — медленно, с опущенными плечами. Я смотрела ему вслед и не чувствовала ничего. Только облегчение. Только свободу.

. Я думала: «Всё, теперь он отстанет». Я не думала о том, что он чувствует. Я не думала о том, что я только что разбила чьё-то сердце — первое, чистое, искреннее. Я была подростком. Я была эгоисткой. Я была папиной дочерью — лёгкой, свободной, не держащейся.

После той дискотеки он больше не подходил. Он обходил меня стороной — в коридорах, на улице, на танцах. Он перестал ходить в кружок. Он делал вид, что меня не существует. И я не знала, что чувствовать — облегчение или пустоту. Я не жалела. Я не думала о нём. Я просто пошла дальше — в свою жизнь, в свои мечты, в свои танцы. Я была занята собой — выживанием, учёбой, будущим. У меня не было времени на сожаления.

Но спустя годы, когда я стала взрослой, я начала вспоминать его глаза. Те самые, которые я погасила одним словом. Я вспоминала его надежду, которую я растоптала. И мне стало стыдно.

Теперь я понимаю: я была жестокой. Не потому что я хотела быть жестокой — я просто не умела быть доброй. Меня не научили, как бережно обращаться с чужими чувствами. Меня научили защищаться, а не любить. Меня научили отталкивать, а не принимать. Он был первым, кто искренне ко мне потянулся. Первым, кто смотрел на меня не с жалостью, не с осуждением, а с обожанием. Он ничего не требовал — он просто хотел быть рядом. Он хотел давать мне то, чего у меня никогда не было. А я оттолкнула его. Грубо. Безжа-

лостно. При всех.

Я не знаю, что стало с ним после. Он вырос, женился, у него, наверное, есть дети. Он, возможно, даже не помнит меня. Но я помню. Я помню тот момент, когда я убила в нём что-то важное. То, что он никогда не сможет вернуть — свою первую веру в любовь. Я извинилась перед ним? Нет. Мы больше никогда не говорили.

Я сижу сейчас и вспоминаю его лицо. Я вижу, как оно меняется в тот вечер — от надежды к боли. Я слышу свой голос — грубый, холодный, чужой. Я не узнаю себя в той девочке. Она была так занята своей болью, что не замечала чужой. Это моя главная вина перед ним — не в том, что я его бросила. А в том, что я не посмотрела на него как на человека. Я видела в нём только подтверждение своей нормальности. Инструмент. А он был живым. Он был искренним. Он был хорошим. Я надеюсь, что он встретил ту, кто умеет любить. Ту, кто не оттолкнёт его. Ту, кто скажет «да» без холодных глаз. А я осталась с этим воспоминанием. С этим уроком. Я научилась быть осторожнее с чувствами других. Я научилась не использовать людей. Я научилась тому, что **внимание — это не данность, это дар. И если кто-то дарит тебе своё время, свою нежность, свою надежду — ты должна быть благодарна.** Даже если ты не можешь ответить тем же. Я не ответила. И я буду помнить это всю жизнь.

. Глава 6. Девочка, кото

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.